

А
Виссарион Белинский

Сочинения Александра Пушкина
Санктпетербург. Одиннадцать томов MDCCCXXXVIII-MDCCCXLI

СТАТЬЯ СЕДЬМАЯ

Поэмы: "Цыганы", "Полтава", "Граф Нулин"

В. Г. Белинский. Собрание сочинений в трех томах
Под общей редакцией Ф. М. Головенченко
ОГИЗ, ГИХЛ, М., 1948
Том III. Статьи и рецензии 1843-1848
Редакция В. И. Кулешова
OCR Бычков М.Н. mailto:bmnl@lib.ru

"Цыганы" были приняты с общими похвалами, но в этих похвалах было что-то робкое, нерешительное. В новой поэме Пушкина подозревали что-то великое, но не умели понять, в чем оно заключалось, и, как обыкновенно водится в таких случаях, расплывались в восклицаниях и не жалели знаков удивления. Так поступили журналисты; публика была прямодушнее и добросовестнее. Мы хорошо помним это время, помним, как многие были неприятно разочарованы "Цыганами" и говорили, что "Кавказский пленник" и "Бахчисарайский фонтан" гораздо выше новой поэмы. Это значило, что поэт вдруг перерос свою публику и одним орлиным взмахом очутился на высоте, недоступной для большинства. В то время как он уже сам беспощадно смеялся над первыми своими поэмами, его добродушные поклонники еще бредили Пленником, Черкешенкою, Заревою, Мариюю, Гиреем, Братьями-разбойниками и только по какой-то робости похваливали "Цыган", или боясь скомпрометировать себя, как образованных судей изящного, или детски восхищаясь песнью Земфйры и сценою убийства. Явный знак, что Пушкин уже перестал быть выразителем нравственной настроенности современного ему общества и что отселе он явился уже воспитателем будущих поколений. Но поколения возникают и образуются не днями, а годами, и потому Пушкину не суждено было дожидаться воспитанных его духом поколений - своих истинных судей. "Цыганы" произвели какое-то колебание в быстро возрастающей до того времени славе Пушкина; но после "Цыган" каждый новый успех Пушкина был новым его падением, - и "Полтава", последние и лучшие две главы "Онегина", "Борис Годунов" были приняты публикою холодно, а некоторыми журналистами с ожесточением и с оскорбительными криками безусловного неодобрения.

Перелистуйте журналы того времени и прочтите, что писано было в них о "Цыганах": вы удивитесь, как можно было так мало сказать о столь многом! Тут найдете только о Байроне, о цыганском племени, о небезгрешности ремесла - водить медведя, об успешном развитии таланта певца Руслана и Людмилы, удивление к действительно удивительным частностям поэмы, нападки на будто бы греческий стих: "И от судеб защиты нет", осуждение будто бы вялого стиха: "И с камня на траву свалился", - и многое в этом роде: но ни слова, ни намека на идею поэмы. {368}

А между тем поэма заключает в себе глубокую идею, которая большинством была совсем не понята, а немногими людьми, радушно приветствовавшими поэму, была понята ложно, - что особенно и расположило их в пользу нового произведения Пушкина. И последнее очень естественно: из всего хода поэмы видно, что сам Пушкин думал сказать не то, что сказал в самом деле. Это особенно доказывает, что непосредственно творческий элемент в Пушкине был несравненно сильнее мыслительного, сознательного элемента, так что ошибки последнего, как бы без ведома самого поэта, поправлялись первым, и внутренняя логика, разумность глубокого поэтического созерцания сама собою торжествовала над неправильностью рефлексий поэта. Повторяем: "Цыганы" служат неопровержимым доказательством справедливости нашего мнения. Идея "Цыган" вся сосредоточена в герое этой поэмы - Алеко. А что хотел Пушкин выразить этим лицом? Не трудно ответить: всякий, даже с первого, поверхностного взгляда на поэму, увидит, что в Алеко Пушкин хотел показать образец человека, который до того проникнут сознанием человеческого достоинства, что в общественном устройстве видит одно только унижение и